

Делать дело — лозунг дня. Не говорить о необходимости поднимать искусство, создавать яркие спектакли, фильмы, книги, а — поднимать, создавать, делать.

Сегодня — рассказ о режиссере, у которого пока нет своего театра, нет постоянной сцены. Но о его спектаклях — с профессиональными и самодельными актерами — говорят, спорят, пишут. Он режиссер не по должности, а по призванию. Его позиция в жизни — активна. И это, вероятно, самое главное из составляющих его успеха.

едва ли не лучшим своим спектакле, Виктюк по-настоящему художественно и ярко развил эту тему. Причудливый танец Недотыкомки, плода воображения Передонова, начинался в тот момент, когда внутренние разрушительные процессы поражали всех героев спектакля, не только Передонова. В том и был смысл драмы... А самое ценное в тревогах и поисках Виктюка в том состоит, что познает он современный характер пристальным вниманием к обычным людям обычного города, остро чувствует полную драматизма жизнь самого заурядного человека, который несет в себе все пережитое в

го театра и каждого актера. Прекрасно, что во многих театрах многих городов ощутили эффект его присутствия. Но и печально, что поставленные в разных театрах спектакли не сохраняются, их некому защитить, как это бывает, когда самобытный режиссер работает в одном театре и утверждает в нем свою эстетику.

— «Царская охота» — мой переломный спектакль: до этого в театре все шло без всплесков. Мы с Марковым вцепились в Виктюка. И я успела многое, потому что с Виктюком работала. А неудачи нам приписывают равнодушные люди, — убеждена М. Терехова.

В ПОИСКАХ ИСТИНЫ

НА СПЕКТАКЛЯХ РОМАНА ВИКТЮКА

Едва спектакли Романа Виктюка обретают сценическую жизнь, их мгновенно окутывают разнотоллки, споры. Кто-то из зрителей в волнении, кто-то в недоумении, но интерес к его режиссуре ни у кого не гаснет. Он может поставить в сезон три-четыре спектакля. Разнообразных по теме и интонации. На суперпопулярных московских сценах и на самодельных. Виктюка раздрают творческой ревностью мастера столичной сцены и совсем молодые актеры, и студенты. Он доступен и не тщеславен. У входа в здание, где он репетирует, его вечно поджидают актеры и режиссеры, москвичи или приезжие.

На спектаклях Виктюка понимаю, что не стоит спрашивать, пытается ли он пробиться в пьесе к автору или корректирует ее, совершая открытия внутри пьесы. Надо полагать, не случайно М. Рошин, увидев в Вильнюсе спектакль «Валентин и Валентина», попросил главного режиссера МХАТа, чтобы новую пьесу ставил Р. Виктюк: если есть у режиссера точная позиция — к нему идут драматурги. Позже Рошин и другие пьесы отдавал Виктюку для постановки в театре и на телевидении. Один из самобытных драматургов следующего поколения Л. Петрушевская назвала «Уроки музыки» в студии «Москворечье» удачей всей своей жизни. Я позвонила Л. Петрушевской и попросила объяснить, чем близок ей режиссер:

— С Романом Виктюком мы познакомились на репетиции спектакля «Уроки музыки», куда меня завела актриса Талызина. Я ходить по репетициям не люблю, ничего в этом не понимаю, а тут вообще актеры текст уродуют, а режиссер как бы и доволен, похваливает, восклицает, хлопочет... Ушла со стесненным сердцем. Через полгода — генеральный прогон. Иду, надо, что делать. Давка страшная. Люди разве что на софитах не висят, а так и на шкафах по трое теснятся, и на подоконниках стоят. Подо мной, в ногах, устроилась прямо на полу подвижная старушка. Я, конечно, вскочила, мне принесли еще стул. Начинается спектакль. И вдруг чувствую, все не то — не то, что на репетиции: на сцене живая жизнь! Неужели это те? Что же с ними сделал режиссер? Откуда он узнал Граню, Нику, Витюку? Он же не рос в нашем дворе... Зрители, я поняла, тоже были ошеломлены. Возможно, в их дворе жили те же люди, что и в нашем. Кстати, старушка с полу оказалась уборщицей ДК и страшной театралкой. Позже она передала режиссеру три гвоздики и открытку: «Если бы я раньше видела этот спектакль, моя жизнь прошла бы иначе...»

Когда хорошо знаешь режиссера, легко разгадываешь его метафоры. Театр Виктюка начинается с искренности и правдивости. Последними аккордами спектакля-симфонии «Татуированная роза» Т. Уильямса режиссер докажет, что жизнь надо принимать не иллюзорной, не призрачной, не освещенной выдуманным символом — татуированной розой. Он разбивает веру Серафины, о которой сделан спектакль, в фантомы, в святую мадонну, якобы оберегавшую дом от несчастья. А взамен появляется вера в святость дочери и подлинность чувств мужчины...

В спектакле «Девочки, к вам пришел ваш мальчик!» Л. Петрушевской сострадаем к опустившимся людям и желанием понять их режиссер заставит даже величайшего сноба поклонить колени. Еще одна тема спектаклей Виктюка — раздвоение личности. В «Утиной охоте» Зилова играли сразу два актера: у одного был текст и ситуация, когда герой тянулся к добропорядочности, герой другого мгновенно предавал сам себя, с дотошностью воспроизводя появление бесовского начала в человеке. В «Мелком бесе» Ф. Сологуба,

XX веке. Вдруг в «Квартире Коломбины», последнем его спектакле, поставленном по пьесам Петрушевской, возникает ощущение, будто sereneкий человек, жизнь которого разбита на куски и осколки нереализованной мечты, собирается воедино и тянется к свету полюсом доброты своей и звучащей в нем музыкой.

— Искусство — это форма истины. А истина в любви. В любви к человеку, — сказал однажды на репетиции режиссер Виктюк.

Я помню Виктюка по студенческому театру МГУ, по спектаклю «Ночь после выпуска». В главных ролях — мои однокурсники. После лекций заглатывали в факультетском буфете традиционную яичницу и кофе и мчались в соседнее здание, в ДК гуманитарных факультетов МГУ. В те годы публика прорывалась в театр имени Моссовета на «Царскую охоту» Л. Зорина, и имя Виктюка было на слуху. Центральное телевидение шестой раз демонстрировало телеспектакль «Игроки» Н. Гоголя в его же постановке. Потом он перешел работать в студию «Москворечье», а вслед за ним потянулась «на Каширку» труппа университетского театра.

Забавно, что четыре года назад, когда заинтересовалась я малыми сценами, главный режиссер МХАТа О. Ефремов советовал мне смотреть у них премьеры двух молодых, с его точки зрения, режиссеров: «Татуированную розу» режиссера Виктюка и «Вагончик» в постановке Гинкаса. А ныне заговорили, что Виктюк — это громкое имя. Странные превращения всего за четыре года: из «молодого» в «громкое имя». А истоки «громкого имени» — в жадных расспросах о Виктюке в городах, где видели хотя бы один из его умных и очень театральных спектаклей. В одной только Москве каждый спектакль Виктюка — событие. Но не четыре года и не десять, а лет двадцать существует его театр, который начинал он во Львове. За все годы не было ни одной статьи о режиссере Виктюке, хотя критики с удовольствием смотрят его спектакли. Авторы рецензий на его постановки чувствовали себя каждый раз первооткрывателями. Вот и я ощущаю себя в абсолютно такой же роли. Волнуюсь, ибо всегда трудно бесстрастно говорить о нестандартном в искусстве, о том, что в свет явилось вопреки рутинному.

Как не понять мне тех, кто стремился сделать мир Виктюка и своим? В Белорусском театре музыкальной комедии прослышали как-то о «талантливом режиссере, который соглашается ставить в провинции». Целый месяц длились звонки в Москву: театр уговаривал Виктюка ставить мюзикл «Горе от ума» по пьесе А. Грибоедова. Режиссер и думать не думал давать «добро»: перегружен. В Минске не успокаивались. Виктюк оставался непреклонным. А потом из южного городка, где отдыхал, позвонил в Минск: нашел решение, буду репетировать. Решение спектакля было в зримом символе ущербности человеческой личности. Дистгармонно внутреннего мира и изначальную порочность мысли внешне легко и просто обозначила инвалидная коляска, в которой развезжал по сцене каждый из гостей Фамусова. Скудоумие торжествовало на балу безумных в гостиной Фамусова. Чацкий появлялся в середине спектакля из толпы зрителей. Спектакль смутил спокойствие Минска, заблек в зал публику и взорвал инертность актеров. В театре дорожили спектаклем.

Той осенью ночные междугородные звонки раздавались и из Таллина: в русском драматическом театре предлагали ставить любую пьесу на выбор. Виктюк приступил к репетициям «Мелкого беса».

Необычная, условная труппа Виктюка, рассеянная по театрам страны, состоит из актеров, себя к ней причисляющих. Виктюк может появиться в театре всего с одним спектаклем, но будет пребывать в нем ярко, щедро, чувствуя природу это-

го театра и каждого актера. Прекрасно, что во многих театрах многих городов ощутили эффект его присутствия. Но и печально, что поставленные в разных театрах спектакли не сохраняются, их некому защитить, как это бывает, когда самобытный режиссер работает в одном театре и утверждает в нем свою эстетику.

— Почему я безоглядно отдалась на откуп самодельности — спектаклю «Уроки музыки»? Настолько ненавязчива, гармонична была режиссура, что не помню, была ли она вообще. Он прощает актеру многое, и я люблю нерасчетливых, горячих людей, обладающих всей палитрой профессии, — размышляет В. Талызина.

— Когда мы репетировали «Татуированную розу», иногда вечером я старалась раньше лечь спать: чтобы поскорей настало утро и я пришла на репетицию. В жизни такое бывает редко. У меня — единственный раз, — исповедуется И. Мирошниченко.

Без поисков, экспериментов не было бы режиссера Виктюка. Никогда не делал ставку он исключительно на известные имена. Студию «Москворечье» превратил он в театр-лабораторию, где обращает в свою веру всех, в ком чувствует озноб творчества. Недавний выпускник факультета журналистики МГУ А. Берда обучался в вузе ремеслу не актерскому, а совсем иному. С театром Виктюка Берда сроднился с первого курса, сыграл в спектаклях «Утиная охота» и «Девочки, к вам пришел ваш мальчик!». Р. Виктюк занял Берду и в новом спектакле театра «Современник» «Квартира Коломбины». Правдивость и жизненная достоверность, чем мгновенно обратил на себя внимание молодой и неизвестный актер, словно пришедший из квартиры многоэтажного жилого дома одного из окраинных районов Москвы, не отдышавшись, сразу на сцену, — это многолетняя завкаса от работы с Виктюком в самодельном театре. Но в том-то и дело, что в студии «Москворечье» Виктюк превосходно обманывает публику: театр по статусу самодельный, а по уровню режиссерского мастерства — профессиональный. Поначалу меня забавляло, когда Виктюк сулил суперпопулярным актерам роли в спектаклях студии, словно сладкие конфетки на десерт, обескураживала их ответная признательность. Потом я поняла простую истину: рядом с изобретательным и чутким к жизни режиссером актер любого ранга не перестает учиться искусству театра.

Репетиции Виктюка — особый мир: брызжущий, умный, ироничный, с шутками и смехом. Экспрессивный Виктюк никогда не сидит на репетиции: носитя по комнате, вместе с актерами проигрывает сцены, смеется, плачет и вздыхает.

— Сама готова платить этому режиссеру зарплату, — поклялась в порыве возбуждения Л. Ахеджакова на репетиции «Квартиры Коломбины». — Посмотрите на него: входит в театр энергичный, сияющий, абсолютно готовый к работе. Не борется за дисциплину, сам ворочает тяжелые ширмы. Никакая оплошность не может испортить репетицию.

Да, не из сора, как стихи у поэтессы, а из праздника растут спектакли у Романа Виктюка. Когда режиссер отпускал актеров домой, я все пыталась усадить его и забросать серьезными вопросами. Да-да-да, соглашался Виктюк. Но предлагала вести разговор на ходу, по дороге из театра в театр. И я мчалась с ним из МХАТа в театр имени Вахтангова, где дипломник Щукинского училища просил посмотреть самостоятельную работу, отсюда — в ДК «Москворечье». Поспеть за неутомимым Виктюком трудно. Изнуренной была почему-то я. Возвращалась домой и с досадой вспоминала, что ни о чем толком не спросила. Пробуждалась странная обида, оттого что время потрачено, ни один из вопросов не задан, а пробиться к нему сквозь сотню московских и междугородных телефонных звонков почти невозможно. Но становилось ясно, что единственный из множества вопросов был бы неуместен: кан он все успевает? Да так и успевает: всем увлечен, и ничто не в тягость.

Нина ШЕХТЕР.